- Да, я все же запуталась, - признала Сьюзен. Она откинулась назад и посмотрела в потолок. - Я понимаю, как заставить вещи выглядеть по-разному для разных людей. Это прекрасно. Но я не понимаю, как ты можешь наложить заклинание на какую-то часть способностей боггарта.

- Это... сложно, - ответила Виктория, даже не зная, с чего начать объяснять. К счастью, Сьюзен, казалось, не была заинтересована в ответе.

- Ну, слава богу, у нас есть ты, - произнесла она с улыбкой. - Есть ли что-нибудь о магии, чего ты еще не знаешь?

Виктория вспыхнула от комплимента. - О, куча. Нам так многому нужно научиться... Я постоянно нахожу новые вещи, на которые стоит обратить внимание. - она сделала паузу. Сьюзен была чистокровной, она знала много такого, о чем Виктория никогда даже не слышала. Возможно, она могла бы ответить на один из многочисленных вопросов Виктории. - Сьюзен, ты когда-нибудь слышала о нонпареле?

- Я так не думаю, - без колебаний ответила Сьюзен. - Что это?

Виктория пожала плечами. - Это просто то, что я услышала от мистера Малфоя. Не беспокойся об этом.

По правде говоря, расследование значения слова было далеко внизу списка приоритетов Виктории. Со всеми другими проектами, которые у нее были, на это оставалось мало свободного времени. Она предприняла пару безуспешных вылазок в библиотеку в поисках книг, в которых могла бы упоминаться эта тема, но пытаться найти упоминание хотя бы одного слова - причем иностранного - было все равно что искать снитч в солнечный день. Она была уверена, что нужная книга где-то там, но найти ее - совсем другое дело.

Ее единственным оставшимся вариантом было спросить дневник. С тех пор, как она поговорила со Сьюзен, она стала опасаться задавать ему что-то слишком личное - поскольку их расследование личности Тома Реддла зашло в тупик, она не могла быть уверена, с кем она разговаривает, - но это был бесспорно полезный источник информации.

Однажды вечером во время подготовки Виктория поддалась искушению. Она закончила все домашние задания и ждала ужин, поэтому достала дневник и открыла его на следующей чистой странице.

«Привет, Том», - написала она.

Ответ последовал незамедлительно. - «Добрый вечер, Виктория. Как продвигается твое овладение тотемом?»

Сидевшая рядом с ней Сьюзен взглянула на дневник с неодобрением в глазах. - Я думала, ты перестала им пользоваться?

- Не волнуйся, я осторожна, - прошептала Виктория. - Нет никакого вреда в разговорах о магии, не так ли?

Сьюзен вернулась к своей работе. - Если ты так считаешь...

Было ясно, что ее это не убедило, но вынужденная тишина во время подготовки предотвратила дальнейшие споры. Виктория сделала пометку, что в будущем лучше не использовать дневник в присутствии Сьюзен - не нужно волновать ее без необходимости.

Она снова обратила свое внимание на страницу. - «Мой тотем в порядке. Но я хотела спросить тебя еще кое о чем. Ты когда-нибудь слышал о нонпареле?»

«Любопытный вопрос», - написал Том. - «Термин «нонпарель» является частью теории магии, которая когда-то была модной, но даже к моему времени канула в безвестность».

Виктория обмакнула кончик пера в чернильницу и вернула его на страницу. - «Но что это значит?»

«Она берет свое начало в трудах Антуана Дюбуа, влиятельного писателя конца девятнадцатого века. Его тезис состоял в том, что точно так же, как волшебники рождаются выше магглов, так и некоторые волшебники рождаются выше других. Этих волшебников он назвал «несравненными», и большая часть его работы была сосредоточена на разработке метода идентификации несравненных волшебников. Нонпарель была частью этого метода. В нем описывается магический предмет с уникальными свойствами, который не может быть воспроизведен даже его собственным создателем. Хотя создание таких предметов возможно не только для несравненных, теория Дюбуа заключалась в том, что несравненный волшебник может создать нонпарель до своего тринадцатого дня рождения».

Виктория кивнула сама себе, - «Другими словами, до того, как их магия станет полностью контролируемой?».

«Именно так», - написал Том. - «Тринадцатый день рождения знаменует конец детства, создать такой мощный объект, будучи еще ребенком, - редкий подвиг и свидетельствует об искре таланта, которой нельзя научить».

Беседа Люциуса со Сквотом теперь приобрела гораздо больше смысла. Он считал ее одной из «несравненных» волшебниц или, по крайней мере, потенциально одной из них. Она обнаружила, что эта идея ей очень понравилась. Она задалась вопросом, сколько в мире несравненных.

Вернувшись к дневнику, Виктория спросила, - «Как ты думаешь, Дамблдор несравненный?».

«Дюбуа предшествовал возвышению Дамблдора», - ответил Том, - «Тем не менее, кажется вероятным, что он был бы причислен к рядам несравненных, если такая вещь существует».

«Ты не согласен с этой теорией?» - написала она.

На этот раз Тому потребовалось немного больше времени, чтобы ответить, - «Безусловно, верно, что некоторые волшебники кажутся на голову выше остальных. Но я не согласен с тем, что судьба этих волшебников высечена на камне с момента их рождения. Есть много составляющих величия, много путей, по которым может пойти жизнь, в зависимости от того, какой выбор ты сделаешь. Подход Дюбуа был слишком шаблонным, слишком предписывающим. Но, тем не менее, захватывающая попытка».

Волнение Виктории немного поутихло от слов Тома, которые были такими убедительными. Ей нравилась идея принадлежать к особому классу ведьм и волшебников. Но, возможно, Том ошибался? В конце концов, он не мог знать всего.

«Я хочу знать больше», - писала она, - «Как называется книга Дюбуа?».

«Я дам тебе знание», - ответил Том. - «Но сначала, почему бы нам не обсудить это подробнее? Есть еще кое-что, что я могу тебе рассказать, и уже не нужно будет заходить в библиотеку.

Мне так нравятся наши беседы».

Виктория усмехнулась. Это было так полезно - иметь под рукой столько знаний, не тратя время на их поиск. Она могла бы очень легко привыкнуть к этому. Снова обмакнув перо в чернильницу, она вывела слова на пергаменте, - «Расскажи мне все».

К февралю Виктория была так занята, что совершенно забыла о наследнике Слизерина. С момента ее отравления перед Рождеством не было ни одного нападения, и школа скатилась к предположению, что наследник был напуган расследованием Министерства. Но этому предположению не суждено было продлиться долго.

Был вечер пятницы, и слизеринские девочки играли в игру в своем общежитии. В камине плясал огонь, и они сидели в кругу подушек в центре комнаты, завернувшись в одеяла - все, кроме Виктории, которой было достаточно тепло в ее ночнушке.

- Зови, - сказала Трейси, взяла две серебряные безделушки из кучи перед собой и положила их в центральный горшок.

- Что там было? - спросила Дафна, отрываясь от своих карточек. - Я не видела.

- Перо и расческа, - ответила Трейси. Она подняла маленькие серебряные модели, которые соответствовали этим вещам. Если она проиграет раунд, победитель получит ее благосклонность и сможет использовать их позже. Расческа была обещанием расчесать волосы победителя, перо - обещанием сделать домашнее задание победителя.

Виктория вздохнула и посмотрела на свои карты. У нее была пара гоблинов, кентавр и ведьма. Не лучший набор в мире, но и не ужасный. Она бросила серебряную розу и туфельку.

- Ну, у Вики, очевидно, ужасный набор, - произнесла Дафна, остальные засмеялись. Виктория, как известно, плохо разбиралась в игре в одолжения, вплоть до того, что обычно отказывалась играть. Но сегодня вечером Пэнси настояла на своем, заявив, что это не будет весело, если она не присоединится. Она быстро пожалела о своей минутной слабости, поскольку в ее стопке было явно меньше одолжений, чем у Пэнси.

- Хорошо, сбрасываем, - сказала Трейси, и все они выбрали карту из своей руки, чтобы положить ее лицевой стороной вниз перед собой. Виктория избавилась от своего кентавра, надеясь, что сможет подцепить третьего гоблина. Затем они по очереди брали новую карту либо из сброшенных карт друг друга, либо из колоды.

Когда настала очередь Трейси, она остановилась в нерешительности. - Кто-нибудь хочет сказать, что они сбросили?

Пэнси невинно улыбнулась. - Сначала скажи мне, чего ты хочешь, и, может быть, я отвечу.

- Нет, спасибо, - ответила Трейси и вместо этого посмотрела направо. - Дафна?

- Домашний эльф, - начала Дафна, - или... это был кентавр? Или, может быть...

- Ладно, хватит, - произнесла Трейси. Она снова повернулась к Пэнси. - Я ищу водяного.

- Я могла бы помочь, - предложила Пэнси, глядя на свои карты, - если ты скажешь мне, что ты сбросила.

Трейси вздохнула. - Отлично. У меня гоблин.

Виктория очень старалась скрыть свою радость от этого открытия, но, судя по понимающему взгляду, который послала ей Дафна, ей это не удалось.

- Итак, у вас есть водяной или нет? - спросила Трейси.

- Есть, - ответила Пэнси и подтолкнула свою карту к Трейси. - Вот, держи.

Трейси с улыбкой взяла ее, но счастье быстро испарилось. - Это ведьма!

- Так ли это? - мягко сказала Пэнси, но ее глаза были озорными. - О боже. Портреты, должно быть, поменялись местами.

Виктория фыркнула. Трейси должна была знать, что не стоит доверять Пэнси. - Моя очередь! - сказала она и потянулась за карточкой перед Трейси.

К сожалению, это был не гоблин, а другой кентавр - Трейси тоже солгала. Виктория попыталась сохранить свое разочарование в секрете, но в тот момент, когда она встретилась взглядом с Трейси, они обе разразились хихиканьем.

Дафна собиралась взять карту из колоды, когда их прервала Гестия Кэрроу, ворвавшаяся в дверь.

- Там снова было нападение! - закричала она. - Идем!

Они бросились следом, мгновенно забыв об игре. Но не они одни: весь Слизерин, казалось, был предупрежден, и образовалась толпа, чтобы выбраться из общей комнаты.

- Кто жертва, Гестия? - крикнула Дафна, когда они пытались протолкнуться сквозь толпу.

- Не знаю, - ответила она, - но я слышала, что она рядом с оранжереями.

Наконец, они прошли через арку и взбежали по винтовой лестнице на первый этаж. Ученики толпились повсюду, но не было криков и насмешек обычного школьного дня, они проходили по коридорам в тишине, нарушаемой только взволнованным шепотом.

К тому времени, когда они добрались до теплиц, обзор был закрыт большим количеством студентов, большинство из которых были старше и выше второкурсников. При свете всего нескольких ламп было почти невозможно что-либо разглядеть в темноте.

- Милли! - прошипела Пэнси, - Ты что-нибудь видишь?

Милисента встала на цыпочки, чтобы получше рассмотреть. - Профессор Стебль там, - произнесла она, выглядывая из толпы. - Локонс тоже. И... ох! Это тот парень Криви.

Желудок Виктории резко сжался. Жуткий Криви, как они его называли... Она вдруг почувствовала себя виноватой за то, что не относилась к нему лучше.

- С ним все в порядке? - спросила Дафна. Она выглядела так, словно вот-вот заплачет, возможно, она тоже вспоминала те времена, когда была не слишком добра к мальчику.

- Не могу сказать, - ответила Милисента довольно пресно. - Но там много крови. Это хуже, чем в тот раз, когда Блетчли дважды ударили дубинкой.

- Освободите дорогу! - крикнул Локонс, и после изрядной толкотни толпа расступилась, пропуская профессоров Стебль и Локонса, а Колин Криви левитировал между ними без сознания. Среди наблюдавших за происходящим студентов пронесся ропот, и, когда они проходили мимо, Виктория поняла почему: так же, как и у Джастина, на шее Колина были отчетливые следы двух колотых ран.

http://tl.rulate.ru/book/73152/2209670